

ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА И ВЛАСТЬ В ПОСТЛУЖКОВСКОЙ МОСКВЕ^{1, 2}

Urban Studies and Practices Vol.2 #4, 2017, 93-104
<https://doi.org/10.17323/usp24201793-104>

13 декабря 2017 г.
 Галерея «Триумф»

Модератор:

Грозовский Борис Владимирович, экономический и политический обозреватель.

Участники:

Башкаев Тимур Истанович, архитектор, руководитель Архитектурного бюро Тимура Башкаева (АБТБ).

Вендина Ольга Ивановна, кандидат географических наук, геоурбанист, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

Заливухин Илья Вячеславович, архитектор, генеральный директор градостроительной компании «Яузaproект», член Общественной палаты Московской области.

Кальгаев Антон Александрович, культуролог, куратор.

Малинин Николай Сергеевич, архитектурный критик, куратор программы Arhiwood.

Медведев Сергей Александрович, кандидат исторических наук, политолог, журналист, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Ревзин Григорий Исаакович, историк архитектуры, профессор Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, партнер КБ «Стрелка».

Что такое парк «Зарядье» с исторической точки зрения? Какие смыслы он несет? Как вписывается в идеологический, политико-экономический, эстетический и культурный контекст современной Москвы? Иконический это проект или созданный наряду с другими изменениями, которые претерпевает Москва? Проект парка «Зарядье» вызывает множество вопросов.

Парк «Зарядье» можно рассматривать в сравнении с ВДНХ как проект, олицетворяющий могущество власти. Своей грандиозностью парк стирает из памяти города все предыдущие этапы преобразования этого места, создавая историю новой Москвы. С другой стороны, это консолидирующий проект, репрезентирующий российскую идентичность. Место, где каждый может найти часть своей личной истории.

Данная дискуссия проходила в рамках исследования парка «Зарядье» Михалом Муравским совместно с Высшей школой урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ. Эксперты обсудили не только архитектурный и урбанистический аспекты парка «Зарядье», но и его значение в контексте Москвы Сергея Собянина.

Ключевые слова: урбанизм; архитектура; экология; постсоциализм; Москва; постколониализм; политика; Зарядье

¹ Материалы всех публичных мероприятий, проводимых в рамках исследования Зарядья, можно найти по ссылке <https://www.michalmurawski.net/zaryadyology>
² Транскрипт публикуемой дискуссии прошел редакционную обработку.

Борис Грозовский: Если попытаться посмотреть на парк «Зарядье» глазами инопланетянина, который заранее не знает целей, смыслов, ограничений, в рамках которых этот проект реализовывался, вообще не знает городского, странового контекста, как можно было бы реконструировать смысл того, что создано?

Во-первых, это центр столицы, два шага до Кремля — многовекового символа власти в России. Во-вторых, считается, что у этого места очень плохая история, во многом благодаря, наверное, всеми признанным неудачным проекту гостиницы «Россия», которая долгие годы там располагалась.

Для проектировщиков, мог бы подумать условный реконструктор, в принципе неважно: Зарядье — не Зарядье, Кремль — не Кремль, пока это бессмысленное пространство в самом центре, где люди могли бы делать много полезного и интересного. Гулять, встречаться, слушать музыку в филармонии, в музей ходить, смотреть на разные интересные штуки. Давайте сделаем на месте промышленной площадкой такой вот город-сад. И все критики, а критиков у этого проекта довольно много, начинают возражать насчет того, что если бы это было не Зарядье, если бы это была какая-нибудь московская окраина или даже ЗИЛ, то и вопросов бы не было. Проблема именно в том, что это не осколки промзоны, а Зарядье — место, наполненное смыслами, памятниками, подавляющая часть которых не сохранилась. Были промышленные развалины, есть желание сделать удобное, интересное, насыщенное для разных активностей место, куда люди будут ходить.

Сказано — сделано. Цена неважна, поскольку это символический проект. Хотели создать интересное место? Получилось. Все очень спорно с точки зрения вписанности в историческую среду, с точки зрения сохранения исторического наследия, но нельзя спорить с тем, что место вернулось к горожанам, это надо признать.

Если же обратиться к символическим смыслам, то не воспринимать парк как символический жест невозможно в силу близости Кремля и его значения для российской жизни, поэтому нельзя просто сказать о том, что это было пустое, заброшенное, отделенное от горожан место, а теперь оно стало доступным, интересным и насыщенным. Ограничиться этим совершенно невозможно в силу близости Кремля, а тут едва ли был какой-то специальный замысел. Никто из админи-

страции президента не уполномочивал архитекторов, тем более американских, какие-то смыслы и политические жесты проявлять и реконструировать. Но само собой получилось вот что. Можно вспомнить каток и светящийся чемодан Louis Vuitton. Это попытка показать, что Кремль на самом деле не чужой, не недоступный Олимп, а место, в двух шагах от которого возможны самые простые человеческие активности: купить дорогую вещь, привести ребенка на коньках покататься и т.д. И это оказывается возможным рядом с таким сакральным местом, олицетворением власти. Но при этом понятно, что если каток и светящийся чемодан — это какие-то совсем карикатурные попытки приблизить власть к народу, то парк, как он реализован, — это, наверное, попытка примерно такая же, но намного более просвещенная, культурная. Все-таки старались вписаться в органику исторической среды, да, какими-то панорамными пожертвованиями, но зато другие панорамы сохранены, не все же испортили.

Я предлагаю обсудить, что представляет собой парк «Зарядье» с точки зрения города, горожан, и каковы его символические значения, смыслы, если вы их видите.

Илья Заливухин: Скажу, что с моей, градостроительной, точки зрения хотелось бы, чтобы такие проекты шли не совсем сверху, указанием, а все-таки являлись предметом комплексного проекта или обсуждения — мастер-плана.

Исходя из того, кто задействован в проектной работе, — власть, которая ее организует, различные департаменты, представители общественных групп, специалисты, бизнес, — и анализируя множество разных параметров: социология, экономика, экология, инженерия существующих условий, градостроительные регламенты, планы по развитию общественных пространств, — возникают определенные решения о том, что делать на конкретном месте.

Так делаются проекты, насколько мне известно, во всем мире. У нас, может быть, такое невозможно. О всех решениях мы узнаем внезапно: «В Москве появится то или другое». В пример можно приводить и парк «Зарядье», и реновацию, и московские центральные диаметры, которых не было, а потом они откуда-то появились. Эти проекты не остановить, они возникают так неожиданно, потому что решения у нас в стране принимает один человек — президент. Может быть, это и хорошо,

потому что иначе мы не приняли бы никакого решения, мы смотрели бы на это то с одной стороны, то с другой стороны, и в итоге ничего бы у нас не получилось, стояла бы яма.

В своей заявке я все время говорил, что в Зарядье нужен мост. Продолжение пешеходной зоны в сторону Замоскворечья вроде бы вполне логично. Но так как проект был сделан очень хорошо, но локально, то мост нельзя было соорудить, потому что там другой департамент и нельзя воткнуться в ТЭЦ, которая пока еще работает. А из нее можно было бы сделать, например, Tate Modern Gallery или русский музей чего-то там. Но есть ощущение, что Москва-река — это федеральная граница и нельзя через нее перейти, поэтому мы со своей территории начали и на свою же вернулись. Это вопросы юридические и вопросы землепользования, и все эти вопросы объединяет мастер-план, который изначально для такой территории разрабатывается.

Еще один момент. По этому поводу можно бесконечно говорить — это транспортный вопрос, потому что эта набережная постоянно стоит. Мне всегда казалось, что надо разделить городские улицы на скоростные дороги, гибридные системы никому не нужны. Сейчас магистраль представляет собой абсолютно гибридную систему, где надо сделать больше светофоров и нормальных пешеходных переходов-зебр. Если бы, скажем, этот технологический принцип был принят на набережной, тогда бы вы спокойно, не спускаясь под землю, просто переходили на другую сторону, и не надо ничего рыть.

Все эти решения вытекают из мастер-плана и основных стратегий, которые обычно разрабатываются и взвешиваются. В том числе и экономика. 14 млрд — это не мало и не много, но надо считать, что могла бы дать городу с экономической точки зрения территория. Мы это обычно вообще в городах не рассматриваем, города у нас постсоветские, куда президент или, не знаю, ЦК КПСС или еще кто-то дают деньги, мы их тратим, как бы советуясь с жителями.

Сергей Медведев: Я хочу рассмотреть этот проект не с точки зрения урбанистики, не с точки зрения соответствия, так сказать, канонам градостроительства, не с точки зрения его эстетики, даже не с точки зрения его прагматики. Для меня здесь важнее всего философия, даже экология этого проекта. Я его считаю принципиально антиэкологичным,

особенно учитывая, что он заявляется как некий экологический жест: мы вам привезли разные ландшафты, посмотрите, как живет наша большая страна. Для меня это логика колониализма. Вещь, которая совершенно не вписана ни в исторический, ни в культурный, ни в природный ландшафт нашей 55-й параллели. Это как зоопарк — идешь по Красной Пресне и думаешь, что на Красной Пресне делает слон? Такие абсолютно модернистские аттракционы из эпохи зверинцев, человеческих зверинцев. То же самое хочу спросить: что делает тундровая растительность в окрестностях Кремля? Если человек хочет знакомиться с тундрой, он едет в тундру. А тундру в Москву везти не надо, и оленя в Москву везти не надо. С одной стороны, это модернистский аттракцион, вся эта этика кунсткамеры, с другой стороны — это разновидность российской внутренней колонизации. Тундра не эндемична для Москвы и Подмосковья.

И мне кажется, что варварство, расхищение всех этих растений идет именно отсюда. Потому что когда люди приходят, они даже не воспринимают это как парк, а воспринимают это как развлекуху. Вот это примерно то же самое, что зверинец в торговом центре. Тот же самый аттракцион, импорт внешних смыслов. Чужие ландшафты, чужие смыслы. Это, в каком-то смысле, вариант так называемой «Манежки». Была площадь, вписанная в историю места, в некое пространство власти, где собирались демонстрации, где шли полки, где было выстроено огромное каре, а вместо этого пришел Церетели, и это все заставили бронзулетками и куполами, и на «Манежке» появилась соответствующая публика. Какое пространство построили, так себя люди и ведут. Тот же феномен массового варварства мы наблюдали после открытия парка «Зарядье». Он определяется тем, что люди вообще не воспринимают природу в сочетании с пикселями шестигранной плитки. Это не имеет отношения ни к природе, ни к цивилизации.

«Крылатские холмы» — крупнейшая овражно-балочная система на всей Русской равнине. Сейчас там предлагается строить «Этномир». Это значит, что берется парк со своими уникальными растениями, зайцами, лисами, и там будут положены, вымощены дорожки, там будет поставлено 600 фонарей, где-то 200 скамеек и павильоны — белорусский, молдавский, чукотский, — там будут песни и пляски народов СССР. Существует

уникальный природный объект, а туда привезут внешние смыслы и скажут: «Вот вам аттракцион». Это отношение к людям, как к каким-то детям, которые не умеют ценить собственное пространство. Это одна из главных проблем России, мы не умеем ценить собственное пространство, понимать, из чего оно состоит, и извлекать из него собственные смыслы.

Между тем в Зарядье были фантастические собственные смыслы. Это только в последние сто лет Зарядье было градостроительной катастрофой. До этого это был совершенно уникальный московский район. Это был спуск от огромного торгового района, который шел к набережной Москвы-реки. Посмотрите любите гравюры XVII–XIX вв.: Москва-река судоходная, к ней причаливают лодки, баржи, там был очень интересный этнический квартал, там были еврейские кварталы, две синагоги, там были мусульманские и лютеранские кварталы.

Первое, что мы потеряли, — вписанность в исторический ландшафт. Второе — вписанность в природу. У нас есть парки, у нас прекрасно растут липы, тополя, у нас в Москве прекрасно уже много сотен лет высаживаются определенные деревья и составляют определенный ансамбль парка. Почему у Кремля я должен видеть этот аттракцион? Около Букингемского дворца я вижу совершенно прекрасный Гайд-парк с вековыми платанами, которые вошли в энциклопедию, прекрасный Сент-Джеймс парк с нормальной и эндемичной для Лондона флорой. Почему нельзя было сделать историко-археологический музей или нормальный человеческий парк по типу того же Сент-Джеймс парка в Лондоне, с маленьким прудиком, с дорожками, усыпанными гравием, с нормальными деревьями.

Здесь две вещи для меня сочетаются: это логика постмодерна, логика такой иконической архитектуры, логика символизма. Мост, который не имеет функций, кроме как делать селфи на фоне Кремля, такой русский жанр селфи, который так любят в соцсетях. Я думаю, что «Зарядье» — это одно из мест для делания селфи на фоне Кремля. Бессмысленность этого моста еще раз подчеркивает абсолютную символичность и его, и парка. Невписанность ни в культурный ландшафт, ни в исторический, ни в природный. И вот это моя проблема с парком «Зарядье». Мне кажется, это во многом объясняет отношение первого посетителя и то, как все было расхищено.

Борис Грозовский: Спасибо огромное, Сергей. Это, наверное, квинтэссенция политического отношения к этому проекту. Самое главное, что хочется, чтобы осталось в мыслях, — это высказывание про абсолютное неумение работать с теми смыслами, которые уже в это пространство заложены его историей, с естественными для него органичными формами.

Николай Калинин: Меня позвали сюда сказать про гостиницу «Россия». Гостиницу «Россия» никто никогда не любил, ее снесли, и все ее уже забыли. Я думаю, среди нас половина присутствующих даже ее не застала. Казалось бы, что и зачем про нее говорить, когда здесь теперь такой вот парк.

В октябре на экраны вышел телесериал «Гостиница “Россия”». В нем гостиница показана как царство проституции, блата, в общем всего самого ужасного, такой абсолютнейший гадюшник, который надо было снести. Меня не покидало ощущение наличия определенного заказа, и даже странно, что этот сериал вышел с опозданием и не успел к открытию парка «Зарядье», чтобы москвичи лишний раз посмотрели и убедились, как правильно сделали, что снесли этот кошмар, эту ужасную гостиницу, в которой столько всего чудовищного происходило. Смотрел я этот сериал, переполнялся каким-то возмущением по поводу одномерности и однозначности той истории. Приведу цитату из кинофильма «Мимино». Фильм снимался в гостинице Россия и ее, как никто другой, прославил: «Валик-джан, когда я умру и апостол Пётр спросит меня: “Куда ты хочешь, Хачикян?”, я скажу: “Никуда не хочу. Посели меня гостиница “Россия”. Западный корпус. Любой этаж...». Эта фраза в фильме не вошла, но она есть в сценарии.

Есть три главных мифа, которые я бы хотел развенчать. Первый миф о том, что эта ужасная гостиница была построена исключительно для делегатов партийных съездов, потому что в Кремле построен Дворец съездов, и такого же размера та самая гостиница. На самом деле первый проект гостиницы «Россия» был опубликован в 1957 г. В этот момент еще не было Дворца съездов. Более того, местом для партийных сборищ должен был стать Дворец советов, который уже проектировался на Ленинских горах, довольно далеко от центра. И гостиница, на первом эскизе 1957 г., уже такая же примерно по форме, такая же по объему, но на тот момент еще нет Дворца

съездов, он появится только спустя два года. На судьбоносном XX съезде делегатов было всего 1400 человек, а в гостинице 5 тыс. мест. Поэтому тезис, что количество мест в гостинице соответствует количеству мест во Дворце съездов, — тоже довольно странный. Правда, количество делегатов возрастает и, действительно, доходит до 4800 к XXIII съезду, но все подстраиваются под эти сложившиеся стереотипы, потому что гостиница строится долго, 10 лет — с 1957 по 1967 г. Исходя из того, что я сказал, понятно, что гостиница «Россия» в некотором смысле провоцирует строительство в Кремле Дворца съездов, а не наоборот. Если мы эту связь отменяем, то что же тогда было импульсом для гостиницы «Россия»? И тут ответ лежит на поверхности, потому что в 1957 г. Москва принимает Фестиваль молодежи и студентов, на него приезжают 35 тыс. гостей. Такого количества иностранных людей в Москве не было со времен нашествия Наполеона. А в Москве в 1948 г. только 12 гостиниц. Потом строится «Украина», строится «Ленинградская», в которой 450 мест. Но гостиница «Ленинградская» строится в первую очередь как градостроительная доминанта, а не как что-то насущное. То есть мест в Москве нет. И поводом строительства такого большого здания стал, конечно, этот самый фестиваль. Я хочу сказать, развенчивая этот тезис, что первый импульс к строительству гостиницы был совсем не тот, который мы привычно имеем в виду. Этим аргументам оперировал Александр Кузьмин, когда нас убеждал, что гостиницу надо срочно сносить, потому что надо расстаться с советским прошлым.

Второй миф, самый важный: гостиница «Россия» якобы «похоронила под собой историческое Зарядье». Историческое Зарядье начали хоронить гораздо раньше — в 1920-х, закончили в 1940 г., расчищая место под высотное здание. Гостиница на самом деле не только не похоронила, а, наоборот, оказалась революцией по отношению к наследию. Если посмотреть на все предыдущие проекты в Зарядье, то они как раз совершенно не имели в виду никакой Варварки, никаких церквей. То, что Леонидов проектировал, Гольц, у них в проектах церквей уже не существует. Нам сейчас кажется варварством, что построили такой гигантский сундук на этом месте. Но церкви сохранили, причем они есть уже в самом первом проекте, кроме одного здания. Здесь я не буду мифологизировать зря: старого Английского двора в том проекте нет,

эстакада идет прямо через него, потому что кроме легендарного советского реставратора Барановского никто не знал, что это XVI в. Потому что это здание было занавешено кучей дальнейших наслоений. Ему приходилось буквально ночью с каменщиками выкладывать там белокаменный фриз, делать такой новодел, чтобы власть наглядно поняла, что это XVI в. Когда гостиницу строили, власть вдруг осознала, что с прошлым можно бороться, не только его разрушая, уничтожая, а путем мирного сосуществования, возводя рядом некий контраст. Маленькие смешные церквулочки старенькие, а рядом такая большая современная гостиница. Чтобы показать, что наше настоящее, конечно же, гораздо лучше этого прошлого, но не нужно его ломать, нужно просто поставить рядом. На Новом Арбате и на Маросейке есть такие же сюжеты. Я могу сказать, что этот контраст очень хорошо работал как для гостиницы «Россия», так и для церквей.

Очень важно еще и то, что первый массовый протест против ломки старой Москвы происходит именно в этот момент. Мы все привычно думаем, что это произошло, когда проложили Новый Арбат. А на самом деле первое массовое выступление, которое вылилось и в прессу, и в круглые столы, было как раз в 1961 г., когда все протестовали против строительства гостиницы «Россия». Не все, конечно, а московская интеллигенция, художники, писатели. Их было не так много, но тем не менее в прессе появилось то, что раньше невозможно было представить. То есть можно было выступать против гостиницы «Россия», как сегодня можно выступать против парка «Зарядье».

И последний, третий, миф связан с тем, что мы везде читаем, что гостиница «Россия» — это представитель советского модернизма. Я хотел бы его тоже развенчать, потому что «Россия» действительно была построена в то время, в то десятилетие, когда мы можем говорить слово «модернизм» достаточно спокойно, не распространяя его на 1980-е. Просто представьте себе объекты, которые мы с этим термином ассоциируем. А что мы имеем здесь? Вместо свободно поставленного пространства стилобата — каменный сундук, такой каменный квадрат, замкнутый на себе, вместо сплошного остекления или хотя бы ленточного эркера. Вместо ножек — тяжелый стилобат. Вместо свободной планировки — бесконечные коридоры. Как в анекдотах

говорили: из некоторых номеров до буфета дальше, чем до Кремля. То есть к модернизму это здание имеет очень условное отношение. Хотел еще сказать, что это здание, с которым Чечулин просто цинично перешагивает эпоху модернизма и движется уже в неоклассицизм грядущего застоя.

Заканчиваю с мифами. В завершение одна маленькая цитата к вопросу о том, кого же осенила эта гениальная идея — Путина, Собянина или Глазычева. Журнал «Архитектура СССР», 1969 г., статья Михаила Бархина: «У многих возникала мысль, что уж если место расчищено, то как великолепно было бы рядом с Кремлем, в самом центре тесного города, сделать парк — зеленый резервуар воздуха, кислорода».

Борис Грозовский: Николай, скажите, пожалуйста, что следует из этого развенчания мифов? Что нужно было гостиницу сохранить как памятник советских градостроительных решений?

Николай Малинин: В нашем городе гостиниц как не хватало, так и по-прежнему не хватает, тем более недорогих. А так была бы прекрасная гостиница, дешевая, в самом центре, памятник тому странному времени, странному дивному новому миру, в котором было место такой непозволительной роскоши. Я бы, конечно, ее оставил, но меня не спрашивали. Я вижу, сколько мифов возникает вокруг парка «Зарядье», и как историк архитектуры считаю своим долгом какие-то мифы, связанные с предыдущим этапом, немножко поразбирать и, надеюсь, что вывод будет сделан...

Григорий Ревзин: Хотелось бы порассуждать о ценности этого парка. Россия — очень провинциальная страна в смысле садово-паркового искусства. Здесь последний парк создавался лет пятьдесят назад. У нас традиция создания парка и вообще языка парка абсолютно потеряна. Нет профессионалов, которые умеют это делать и вообще в курсе того, что происходит в мире и что на эту тему придумать. Мы не просто потеряли традицию парка, мы ее потеряли в начале того периода, о котором нам сейчас рассказал Николай Малинин. Какой парк имеется в виду в 60-е годы? Имеется в виду, что люди много трудятся на заводе и потом уходят отдыхать на природу. То есть парк — это кусок леса в городе. В нем ничего нет. Это какое-нибудь

озерцо, какое-нибудь дерево, которое там давно растет. Это и есть садово-парковое искусство. Вообще-то, представить себе, что мы пришли к этому в стране, где был Павловск — великая садово-парковая традиция, довольно трудно. Тем не менее пришли к этому: вот болотце, вот лесок, кустики, и в нем действительно можно с девушкой пообщаться, можно выпить, да и вообще отдохнуть на природе. Вот, что нам нужно от парка. И этот парк кончился давным-давно, пятьдесят лет назад, больше такое не носят. А мы по-прежнему любим, чтоб спустились из подъезда своего, и вот там лужок, и еще один лужок, а между ними кустик. Но это всё-таки столичная штука, которая стоит в самом центре Москвы, ну неприлично.

Главное, что здесь произошло, это большой экологический вывод про то, что природа в городе в чистом виде существовать не может. Вы не можете оставить в центре города просто лес, он превращается в довольно большие высокие деревья и помойку вместо подлеска, где валяются старые запорожцы, кровати и пр. У нас во всех городах-миллионниках есть такие парки. Природа в городе — это не кусок леса. Парк, дерево — это особый вид горожанина, за ним надо ухаживать, социально обеспечивать как пенсионеров, надо его окапывать, убирать и т.д. Поэтому это искусственное образование — инсталляция. Вернее, инсталляция — это способ художественного экспонирования вот этого обстоятельства. То есть природа — это искусственная вещь, “creation”. Вот Бог создал всякие деревья, и мы принесли их сюда на выставку. Если мы их просто оставим, они погибнут, надо ухаживать. Это произошло во всех крупных парках во всем мире. Конечно, существуют такие парки, как Сент-Джеймс, но надо учитывать, что это королевские имения, и дубы там выросли триста лет назад.

По Лондону, кстати, можно пройти почти весь город по парку. Сорок пять километров ты можешь идти по парку, сейчас то же самое сделали в Сингапуре. Если ты делаешь новый парк, то делаешь это как инсталляцию. Посмотрите на Марина Бей в Сингапуре, посмотрите на Хай-Лайн в Нью-Йорке, природа представляется как некое произведение современного искусства, аналогичное “ready-made”. Дальше вопрос в художественном уровне, на котором ты можешь передать эту идею. В Хай-Лайне, например, это все инсталлировано, поднято вверх, и стоит

на постаменте в виде этой платформы. Что сделано здесь? Основной ход — это упаковка. Если вы представляете себе, что делал Христо Ярышев, когда упаковывал острова, или Лувр, так вот здесь это холм, укрытый стеклом. В этом стекле нет никакого смысла, кроме того, чтобы показать, что это инсталляция, это музейный экспонат, это чудо, что здесь растет трава, чудо, что здесь растет эта самая тундра. Я понимаю, что чувство порядка, ощущение, что «где родился, там и расти», оно должно возмущаться в этот момент, чудеса возмущают.

Момент инсталляции чудес, который вместе с тем и есть русская природа, здесь сделан замечательно в смысле дизайна! Замечательно! И мост этот. Это работает как природа. Конечно, можно прийти и посмотреть на траву, которая выставлена как экспонат, но смысл не только в том, что вы превращаете траву в произведение искусства. Это работает в обратную сторону тоже, потому что когда вы видите Кремль, когда вы видите собор на фоне этой травы, на фоне березок, вы получаете абсолютно новый взгляд на весь центр Москвы. В каком-то смысле, как Николай Малинин нам рассказывал, это так же, как все эти церкви являются произведениями гостиницы «Россия», потому что они были использованы как экспонаты на фоне этой модернистской стены, не подлинно модернистской, но все-таки похожей. Теперь вы ровно то же самое имеете на фоне природы. В каком-то смысле этот вид очень подлинный. Русские церкви довольно часто стоят в природе. Когда я увидел первый раз собор Покрова на Рву сквозь березы, мне показалось, что это вид новой открытки, визитной карточки Москвы. «Мост для селфи», как его назвали, он не для селфи, он для того, чтобы посмотреть на этот город с этой точки. Вы парите над этой самой рекой и вдруг обнаруживаете, как много здесь места, вы вдруг видите весь этот Кремль. Это та точка зрения, которой раньше в городе не было.

Это гениальный парк, это лучшее произведение архитектуры, которое здесь было создано за последние десять лет. Это потрясающая штука, которая полностью трансформировала центр Москвы.

Ольга Вендина: Прежде всего я хочу ответить на два Ваших [обращаясь к Борису Грозовскому] вопроса. Первый про мораль, который был задан Вам [обращаясь к Николаю Малинину], потому что, мне кажется, что

мораль очевидна. У нас принято обращаться к Пушкину как к нашему всему. Написав свое «Путешествие из Москвы в Петербург» как антитезу «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, Пушкин говорил о том, что, открывая книжку Радищева, вновь будет читать эти горькие полуистины. Это как раз вопрос о восхищении блистательностью парка и о том, о чем говорил Сергей Медведев, как о жесте российского внутреннего колониализма. И поэтому, наверное, мораль Вашего выступления сводилась к тому, что у всего есть вторая сторона, и всем нам не стоит об этом забывать. И я бы хотела поговорить об этой второй стороне.

Прозвучал еще один вопрос об участии и о ценности участия. Я росла на том, что Москва — город авторитарный. Все решения принимаются авторитарно и нам не хватает демократии участия, широкого обсуждения с населением, с людьми. И в соответствии с их представлениями необходимо что-то такое реализовывать. В общем нужно сказать, что эта идея хорошо функционировала вплоть до 1980-х годов, когда оказалось, что все это неплохо работает, когда существует большинство и когда срабатывает сам механизм демократии. И притом большинство представляет некий средний класс со своим устойчивым стандартом, со своим конформизмом восприятия окружающей действительности и с возможностью транслировать другим свои представления, и при этом этими другими они воспринимаются с доверием и уважением. В современной ситуации, когда у нас большинства нет, когда у нас нет социальной группы, мнение которой с полным доверием воспринимается всеми остальными, демократия участия вырождается в соперничество групп активистов. В итоге возникает вопрос: а может ли вообще демократическая программа развития города быть реализована авторитарными средствами? Потому что оказывается, что этот самый авторитарный представитель, в роли которого у нас сегодня выступает московская власть, реализует эту самую демократическую программу.

Что такое парк? Что такое благоустройство? Это создание публичных пространств Москвы. И здесь возникает вопрос о московской идентичности. В какой мере все эти проекты отвечают идентичности людей? Мы, во-первых, должны понимать, что людей, родившихся в Москве, живет в городе меньше половины. Это с учетом москвичей в первом

поколении, а людей, которые представляют второе поколение москвичей, — это четверть, а третье поколение — это 3%. Вопрос о том, что такое московская идентичность, почему мы ее связываем с наследием. Да, безусловно, это очень важный вопрос. Но когда проводятся социологические опросы, то оказывается, что главная идентичность для московского населения — не московская, а российская, в том числе за счет того, что здесь проживает огромное количество людей, приехавших из других регионов страны. Для них наличие такого объекта, который репрезентирует всю страну, принципиально важно. Меня, конечно, очень задело выступление касательно внутреннего колониализма, я как раз считаю, что создание парка — абсолютно противоположный жест, потому что столица как бы принимает в себя страну и репрезентирует ее для всей страны. Не это ли путь к формированию идентичности?

Второй важный момент, Григорий Ревзин об этом сказал, — это невероятная любовь городского населения к деревьям. Если спросить людей в технологиях демократии участия, партисипаторного городского планирования, чего им не хватает или как они представляют город, они ответят, что им не хватает деревьев, им нужны парки, нужна зелень, свежий воздух и т.д. Это можно проинтерпретировать как чисто городскую потребность, потому что это единственное место, где человек может чувствовать себя свободным и от многочисленных обязательств, и от внешнего контроля в том числе. То есть это пространство независимости и пространство свободы. В этом смысле чрезвычайно важно, что создается искусственная среда, которая эту свободу подчеркивает. А когда такое пространство свободы возникает рядом с сакральными пространствами власти и закрытости, то это означает только одно — десакрализацию власти, доступность власти в сознании людей, когда она ходит в такой близости совмещения совершенно разных функций, работает на формирование гражданского сознания. Это как раз тот эффект городского пространства, о котором раньше много говорили, но это рассматривалось как бы в духе социальной инженерии, когда с помощью организации пространства, не важно, городского или негородского, можно формировать поведение людей, можно формировать их представления...

И, наверное, последнее, что важно сказать, чем важен этот парк как публичное пространство. Он важен, поскольку это путь преодоления маргинальности московского населения, поскольку пространство открытое и доступное, а значит, это пространство интеграции в московскую среду детей. Старики — они не маргиналы, они социально незащищенные, а вот молодежь — уже не дети, но еще не взрослые — это очень сложный маргинальный слой населения, который создает серьезные проблемы, поэтому создание пространства коммуникации чрезвычайно важно. Мигранты, которые, приходя сюда, могут немножко согреть чувство собственного достоинства, которое нарушено во всех остальных сферах жизни, потому что это доступно, это сделано для всех, значит, в том числе и для них. И поэтому, мне кажется, что как раз не с точки зрения соответствия московской идентичности, а с точки зрения ее формирования создание такого объекта, как парк «Зарядье», чрезвычайно важно.

Борис Грозовский: Тут какая-то аналогия возникает с Выставкой достижений народного хозяйства, когда каждый павильон символизирует одну из союзных республик.

Ольга Вендина: Столица должна репрезентировать страну, на то она и столица, а тем более столица такой огромной и разнообразной страны. Функции репрезентации страны на ВДНХ были решены блистательно. Москва сегодня репрезентирует не только Россию, но и постсоветское и постимперское пространство, и поскольку людей с этого постимперского пространства в городе 2 млн, то наличие такого пространства тоже чрезвычайно важно, прежде всего с точки зрения их интеграции в городскую жизнь.

Антон Кальгаев: Нас пригласили, когда парк был уже практически достроен, менять мы уже ничего не могли. И вот ты придумываешь, как парк будет жить после того как его достроят, в тот момент, когда он еще недостроен, но менять ты ничего не можешь. Все это время я имел дело с какими-то проектными решениями, с дизайном, с фразеологией и языком, который вокруг этого парка возникал. Мне показалось, что стоит поговорить именно о том, как этот парк так идеально и даже немного страшно вписывается в

существующее состояние русской культуры и даже русского языка, если так можно сказать.

Когда ты имеешь дело с текстами, описанное все равно начинает обретать какие-то материальные формы. Условно говоря, современный русский язык можно разделить на три наивные стадии. Первая стадия уже хорошо осмыслена даже эстрадно, это стадия «как бы». Когда в 1990-х было засилье этого «как бы», в школе у нас с ним активно боролись, его нельзя было употреблять, это интерпретировалось как тотальная неуверенность в народной массе по поводу того, что происходило в 1990-х. В 2000-е годы, с приходом тех, кто до сих пор не уходит, наступила такая эпоха, которую можно назвать «на самом деле». Приблизительно с 2010 или 2012 г. наступила какая-то странная эпоха, которую я постоянно фиксирую, с которой я постоянно борюсь. Я бы назвал эту эпоху «не только, но и».

Это как бы дополнение, которое слегка противоречит предыдущему утверждению, но при этом его усиливает. Читая и анализируя три документа: приглашение к участию в конкурсе, конкурсное задание и предложение дилеров (проект-победитель), я выписал те выражения, которые, как мне кажется, манифестируют встраиваемость «Зарядья» в эпоху «не только, но и». Приглашение к участию в конкурсе с первых страниц манифестирует, что приглашают на место отсутствия гостиницы «Россия», то есть его строят не вместо гостиницы «Россия», а на месте ее отсутствия. Чуть ли не на второй странице заявляется такая странная фраза: «Это не только центр притяжения, но и зона отчуждения». Что требуется от конкурсантов? — «Новый взгляд на старую Москву». Такая новая история старого города. «Ландшафт — это главная достопримечательность парка». Другая фраза: «Это зеленая альтернатива Красной площади». В конце было утверждение «Мы не переделываем, мы создаем», при этом, очевидно, что это не противопоставление, то есть мы не только переделываем, но и создаем. «У нас концепция природного урбанизма», то есть у нас и природа, и урбанизм. По-английски это звучит как “wild urbanism”, как дикий урбанизм. Имелось в виду, что это смычка России и Москвы. Природный урбанизм символизировал вот эту смычку. Это «не только, но и» образует мифогенный мир, где образуется некая «фигура одичалых». Так говорится в сообщении пресс-секретаря Москомархитектуры: «одичалые вытоптали». Непонятно,

парк закрытый или открытый, он не только открытый, но и закрытый сейчас, вообще открытый, но пока закрытый³. При этом если в целом осмысливать концепцию, что это вообще: путинский подарок или американский проект? Он не только путинский подарок, но и американский проект.

Это довольно удобная формула. Мне говорят, что мы оказались в мире постправды. Это и есть риторическая фигура постправды, и, более того, московская власть действительно взяла на вооружение эту удобную формулу. История с реновацией абсолютно про это: это, как бы, не только снос, но и стройка, это не только стройка, но и снос. Хочу сказать, тут прозвучала претензия о неуместности «Зарядья», оно потрясающе уместно в современной Москве, в современной России, абсолютно уместно в современном мире, который теперь вот так живет.

Тимур Башкаев: На мой взгляд, отвечая на то, какие смыслы в «Зарядье», — это модернизационный проект, западный проект. В истории России, тем более Москвы, мы можем видеть чередование модернизационных проектов с застоем: откат, потом снова проект, рывок и снова откат. Нам повезло, на наше поколение выпал редкий модернизационный проект. Когда объявили, что будет парк, никто не знал, что здесь будут американцы, что будет урбанизм. Неважно, кто первый предложил идею парка. Надо помнить, на каком фоне это было сделано. Пришла команда Собянина и была в полном транссе от транспортного коллапса, была полная растерянность, они не знали, что делать. Поотменяли проекты строительства новых зданий, не было четко сформулированной транспортной программы, и на фоне транспортного коллапса было принято решение, на мой взгляд, очень логичное, ничего не делать на месте Зарядья, чтобы не провоцировать очередной коллапс. И не было никаких идей суперсовременного парка, идеи природы, ничего этого не было — просто освоить территорию так, чтобы не навредить. Это абсолютно совковый подход.

³ Имеется в виду время открытия парка «Зарядье». Официально парк был открыт 9 сентября 2017 г., но пройти на его территорию можно было только по приглашениям. В следующие дни парк функционировал до 22 часов, был огорожен забором, а на входе стояли рамки металлоискателя.

Второй модернизационный рыбок — это блестящий конкурс, великолепно организованный, международное участие правильно прописано, гениальное техническое задание, только на такое техническое задание рождается такой гениальный проект. И здесь, с одной стороны, у нас есть что-то совершенно авторитарное — пришел Владимир Владимирович и сказал, что здесь будет парк. А с другой стороны, есть и модернизационное западное состояние проекта — это Петр Кудрявцев с сообществом «Друзья Зарядья». Не преувеличиваю значения этого факта, но я подчеркиваю, что это было. Были реальные люди, они действительно встречались, лоббировали идею парка. Это росток западного демократического движения.

Несколько слов по поводу сути проекта. Меня очень покоробили Ваши (обращаясь к Сергею Медведеву) слова, что это колониальный проект. Вот почему Хай-Лайн — это не колониальный проект, а парк «Зарядье» колониальный? Это два совершенно одинаковых диалога двух парков, где природа на стыке с городом — главный объект высочайшего концептуального качества, никакого колониального налета нет.

На каких же принципах должна жить природа в городе? Город изначально никакой природы вообще не подразумевает. Природа появилась довольно поздно в урбанизме, по мере расширения города, интеграции природы в город. Это огромная проблема, потому что как только размер биоценоза сжимается, он просто умирает. Если вы делаете большой анклав, природное гетто, таких десятки в городе, то это не соединение природы с городом. Город растет, уплотняется, и он больше не выдержит такого размера природных анклавов, город будет постепенно их перемаывать. Природу надо интегрировать в город. В высокоплотный город. А как ее интегрировать в высокоплотный город, если нет реальной земли. В Хай-Лайне выяснилось, что природа может существовать не отдельно, а рядом с городом, над городом, под городом, она может с городом сосуществовать, и это совершенно новый уровень урбанизма. То есть природу надо создавать уже в плотном городе, используя все его лучшие качества. И в этом смысле природный урбанизм — это вообще новый идеологический шаг в сосуществовании природы и города.

Аттракцион — это один из важнейших параметров нашей среды. Аттракционы по-

рождают эмоции. Эмоции — это важнейший продукт. Эмоции капитализируют город, капитализируют среду. Хай-Лайн вызывает эмоции. Ты поднимаешься туда и идешь в хорошем настроении, и больше ничего нет — ты смотришь на город... И удивительным образом эмоции капитализируют город, просто на глазах развивается район только ради эмоций, больше ничего. Там не появилось ни коммуникаций, ни транспорта, но там появились люди с хорошими эмоциями. Это главная задача парка «Зарядье». Да, с помощью аттракционов, но зато они рожают огромные положительные эмоции, вау-эффект. Даже если очень нужен был мост в ту сторону, ни в коем случае строить мост в этом месте нельзя. Потому что это специально не утилитарный мост, а аттракцион, который специально рассчитан. Если вы поставите опоры, вы потеряете все эмоции, все пропадет. Ради этих эффектов сейчас живет и город. Мы переходим в другой мир и надо понимать, что эмоции сейчас — это самое важное, и природа должна существовать по-новому.

Сергей Медведев: Мне есть, что сказать. Даже не возразить. Действительно, граница природы и культуры, и тундра рядом с гранитной плиткой. Понимаете, для меня это визуальная грязь, потому что те перспективы, которые я хотел бы видеть, они визуально грязные. Я не хочу, чтобы храм Василия Блаженного вставал над колымским редколесьем, если только цель не как в известном анекдоте: Какое самое высокое здание в Ленинграде? — Большой дом, с него Колыму видно. Тут мне хотели напомнить Колыму — напомнили. В этом смысле я соглашусь с тем, что коллеги говорили, с тем, что Ольга Вендина говорила, действительно, это не выявление московской идентичности, а конструирование идентичности, как и весь этот новый урбанизм, который сейчас с нами происходит. Проблема и с новым благоустройством города, и с Новой Улицей, что это все дается государством, и мы как благодарные граждане, как благодарные субъекты должны все это воспринимать. Вот сейчас нам конструируют постимперскую евразийскую идентичность.

Я согласен с тем, что это действительно памятник эпохи, но памятник именно путинской эпохе, памятник гибридной войне, памятник постправде и памятник эмоциям. И вся постправда стоит на эмоции, и весь фейсбук стоит на эмоции, а я хочу не эмоций,

я не хочу жить на позитиве, я не хочу жить на вау-эффекте. Я хочу жить на гораздо более сложной гамме ощущений, которые могло бы дать мне это место. Это лучше, чем если там был бы пустырь или гостиница «Россия». Это хорошо, что он появился. Но я хочу здесь выступить как Плевако, наоборот, хочу сказать, господа и дамы, все могло быть значительно лучше. Мне кажется, это хороший шанс, Москва лучше с этим, но это упущенный шанс.

Как москвич я чувствую, что была возможность получить хорошую панораму, хорошую перспективу, а вместо нее между мной и Кремлем построили альпийскую горку, вот мне не нравятся альпийские горки на приусадебном участке.

Илья Заливухин: Мне кажется, что сегодняшнее время нефункциональное. Оно красивое, современное и, видимо, без этого нельзя было обойтись, потому что лужковское время было достаточно функциональное, но совершенно некрасивое. Взять благоустройство Садового кольца. Надо было транспортные вопросы решать, а мы гранит кладем и деревья высаживаем. Должна быть комплексная программа, и тогда благоустройство будет уже частью этой комплексной программы. А мы, действительно, хотим быть похожими на Запад, при этом забывая про какие-то функциональные вещи. И вот сегодняшнее время очень красивое и, я думаю, что с этим невозможно спорить.

Гостиница «Россия» неслучайно была снесена, высотка там неслучайно не была построена, и парк «Зарядье» неслучайно возник. Парк возник, чтобы мы могли это обсудить и двигаться дальше. Вообще, спорить о том, что этот парк замечательный, я даже не буду, я считаю, что не за десять лет, а с 1961 г., со времен Дворца пионеров на Воробьевых горах, ничего интересного не создавалось. И вот парк «Зарядье» можно было бы, естественно, сделать лучше, можно было бы решить набережную, можно было бы к церквям подойти не сзади, а задать регламент, чтобы там тоже был холм, можно было точнее прописать

техническое задание. Этот опыт, который мы имеем сейчас, надо принять и двигаться дальше. В этом смысле Сергей Медведев — тот человек, который заставляет меня еще раз задать самому себе вопрос о том, все ли мы сделали правильно. Это же нормально. Действительно, надо об этом говорить, как обсуждали гостиницу «Россия», когда она уже была построена. Дальше надо двигаться с другими объектами, с другими проектами.

Это время довольно классических решений. Я не говорю про архитектуру, я говорю про жест. Парк для меня — это классическое решение. Потому что неклассическим решением было бы сделать там, например, общежитие для студентов, что-нибудь такое, что лежит в области городского функционализма. Все мы мыслим о том, что такое облик города, высотность, а люди живут где-то за МКАД, про них никто не знает, они по три часа ездят в центр. Мы даже не позволяем себе обсудить, что практически половина парка могла быть застроена социальным жильем, мини-университетом, еще чем-то.

Григорий Ревзин: Качество вещи людьми в материальной среде плохо воспринимается. Они не считают талантливых решений, они не понимают, талантливое это здание или нет. Сначала надо утвердить качество как абсолютную ценность. Это можно сделать только через ценности сообщества. А дальше и обыватели примут. Поэтому для меня очень важным является то, что это выдающийся проект. А если все общество будет рассказывать, что панораму перекрыли, наследие потеряли, то все... Сопоставлять парк «Зарядье» с благоустройством принципиально неправильно. Благоустройство — это не авторская вещь, не может быть гениальной велосипедной дорожки. Она либо есть, либо ее нет, может быть либо хорошая, либо плохая, либо очень плохая, но она не может быть талантливой. А это произведение, в нем есть авторская художественная ценность и ее надо утвердить.

IDEOLOGY, CULTURE AND AUTHORITY IN POST-LUZHKOVA MOSCOW

December 13, 2017

Triumph Gallery

Moderator:

Boris Grozovsky, economic and political columnist.

Participants:

Timur Bashkaev, architect, Head, Architectural Bureau of Timur Bashkaev (ABTB).

Olga Vendina, PhD in Social Geography, Leading Researcher, Institute of Geography, PAS.

Ilya Zalivukhin, architect, Chief Executive Officer, "Jauzaproject".

Anton Kalgaev, culturologist, curator.

Nikolay Malinin, architectural critic, curator of Archiwood.

Sergei Medvedev, PhD in the History of International Relations and Foreign Policy, political scientist, journalist, professor, Faculty of Social Sciences, HSE.

Grigory Revzin, PhD in Art History, architectural historian, professor, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, HSE, partner, Strelka KB.

Abstract

What is the Zaryadye Park from a historical view? What are the meanings of this place? How does Zaryadye fit in with the ideological, political, economic, aesthetic and cultural contexts of today's Moscow? Is it an iconic project or a typical redevelopment?

We could compare Zaryadye Park with VDNH as a project which embodies an authority. The grandeur of the park erases all previous transformations of the city from memory. Conversely, it is an integration project which presents a Russian identity. It is a place where citizens may find part of their personal history.

This discussion is part of twelve months of fieldwork, carried out by Michał Murawski in collaboration with students at Vysokovsky Graduate School of Urbanism. Experts debate not only the architectural and urban aspects of Zaryadye Park, but also its plural meanings in the context of Sergey Sobyanin's Moscow.

Key words: urbanism; architecture; ecology; post-socialism; Moscow; politics; Zaryadye